Митрополит Минский и Белорусский ФИЛАРЕТ

КРЕЩЕНИЕ СВЯТОГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА И РУССКОЙ ЗЕМЛИ

К настоящему времени по вопросу о самом факте приобщения святого равноапостольного великого князя Владимира к Святой Православной вере и Крещения Русской земли, о роли и значении его в истории нашей Родины среди исследователей наблюдается относительное согласие во мнениях. Однако того же нельзя сказать о другой, не менее важной — с нашей точки зрения — проблеме, непосредственно связанной со священными событиями 1000-летней давности. До сих пор историки все еще не могут дать единого ответа на вопрос: когда и где принял крещение святой князь Владимир и когда совершилось Крещение Руси?

Несмотря на то, что круг письменных источников, касающихся проблем, в достаточной полноте был выявлен еще в конце прошлого столетия, до сих пор одни исследователи считают временем крещения святого Владимира и Руси 988 год [1], другие придерживаются мнения о том, что сам князь крестился годом раньше, а Крещение Руси произошло в 989 году [2], третьи же отодвигают последнее событие вплоть до 990 года [3]. Существует также версия, согласно которой крещение святого Владимира и Руси могло быть в 982 году [4].

Столь же противоречивыми в научной литературе остаются и суждения относительно места и обстоятельств крещения самого великого князя.

Вот почему в преддверии наступающего великого торжества в памятование знаменательного события, когда небо и земля, по слову нашего летописца, ликовали, видя Крещение земли Русской, и в духовном восторге молился и славил Бога ее Просветитель, нам кажется небесполезным, воспользовавшись достижениями современной науки, вновь обратиться к выяснению вопроса о том, когда же и как это произошло: в каком году и где крестился святой князь Владимир и когда началось Крещение Руси.

К сказанному выше хотелось бы добавить, что для нас, православных, верных сынов Святой Русской Церкви, хронология и обстоятельства официального утверждения христианства на Руси важны не только с точки зрения исторической. Ибо вопрос о времени и месте крещения святого Владимира самым тесным образом связан с достодолжным пониманием непреходящей и неизбывной в нашей благодарной памяти заслуги Просветителя Русской земли, его равноапостольного подвига. Поэтому, обращаясь к изложению интересующего нас вопроса и отнюдь не настаивая на безусловности предлагаемого решения, просим рас-

сматривать сие краткое исследование как приношение признательного сердца святому равноапостольному великому князю Владимиру, деяниями которого, по словам Святейшего Патриарха Пимена, «и мы, потомки крестившихся киевлян, обладаем истинным богопознанием и имеем счастье быть во Христе избранным народом Божиим, чадами Света, наследниками Царства Небесного (1 Петр. 2, 9; Еф. 5, 8; Иак. 2, 5)».

I

Источники по вопросу о времени и обстоятельствах крещения святого Владимира и Руси довольно многочисленны и разнообразны как по своему составу, так и происхождению. Важнейшее среди них место принадлежит, бесспорно, русским источникам, обладающим несомненной исторической ценностью и высокими литературными достоинствами.

Особое значение среди отечественных источников, повествующих о Крещении Русской земли, имеет летописный рассказ, помещенный в «Повести временных лет» под 986—988 годами[5]. Он настолько известен, что здесь мы ограничимся лишь изложением наиболее важных моментов, имеющих непосредственное отношение к освещаемому вопросу.

В 986 году, как повествуется, к князю Владимиру приходят миссионеры из разных стран с предложением принять исповедуемую ими веру. Последним является греческий философ, который и убеждает киевского князя в истинности Православной веры. По непонятным причинам Владимир только в следующем, 987 году рассказывает боярам и старцам о предложениях миссионеров и по их совету отправляет посольство для испытания вер. Когда же, вернувшись, послы сообщают, что не знают веры лучше греческой, Владимир решает принять христианство из Константинополя. В следующем, 988 году он выступает в поход против византийского города Корсуни (Херсонеса) и после продолжительной осады берет его. Захватив Корсунь, Владимир отправляет в Константинополь посольство с требованием руки царевны Анны, в случае отказа угрожая осадить столицу империи. Византийские императоры Василий и Константин условием возможности брака киевского князя с их сестрой поставили его собственное крещение и крещение русского народа. Владимир с этим согласился. После долгих уговоров Анна, наконец, приехала в Корсунь, где и совершилось крещение Владимира и состоялось его бракосочетание с Анной. Вернувшись из Корсуни с духовенством, иконами и мощами, Владимир немедленно приступил к крещению народа. Все эти события, по рассказу летописца, произошли в течение одного 988 года.

Несмотря на то, что до сих пор,— в основном, правда, в публицистической и научно-популярной литературе,— приведенный летописный рассказ считается «основным источником наших знаний о событиях Крещения Руси», начиная еще с Н. М. Карамзина, отметим: его хронологические и ситуационные свойства ставили исследователей перед значительными и часто непреодолимыми трудностями. Невозможность удовлетворительного объяснения причин, побудивших святого Владимира переменить веру своих отцов, сложность в понимании истинных мотивов его похода на Корсунь и в логичном изложении хода событий

во времени, как правило, приводили в замешательство многих ученых[6]. Это и дало Е. Е. Голубинскому повод объявить весь летописный рассказ о Крещении Руси «вымыслом какого-то досужего любителя составлять занимательные и замысловатые повести»[7].

Началом научного изучения летописного сообщения о Крещении Руси стали работы замечательного филолога, знатока древнерусской письменности А. А. Шахматова[8]. Положив в основу своих изысканий лингвистико-литературный анализ летописных текстов, он пришел к ряду важных выводов, до сих пор сохраняющих свою научную ценность и в основном принимаемых современной исторической наукой. Эти выводы, дополненные и уточненные трудами последующих исследователей, к настоящему времени дают возможность с достаточной вероятностью составить вполне ясное представление о происхождении летописного повествования, о его источниках, а также определить историческую достоверность сообщаемых в нем сведений.

Согласно А. А. Шахматову, в XI веке было известно два сказания о крещении Владимира. Ни то, ни другое из них в первоначальном виде до нас не дошло. В одном из этих сказаний утверждалось, что киевский князь был обращен в христианство греческим философом, посетившим его в Киеве и убедившим принять крещение, описав картину Страшного суда. Во втором же сообщалось о крещении Владимира в Корсуни[9]. Впоследствии оба эти сказания вошли в составленную в 90-х годах XI века летопись, в научной литературе получившую название Начального свода[10]. Из Начального свода летописное повествование о Крещении Руси и перешло без изменений в «Повесть временных лет» (ПВЛ).

Такова в общем виде гипотеза о происхождении летописного рассказа из ПВЛ, выдвинутая А. А. Шахматовым и, за исключением его предположения о существовании только двух сказаний о Крещении Руси, в основном принятая в современной исторической науке. Согласно этой гипотезе, летописное повествование представляет собой весьма сложное по своему составу произведение, в основе которого лежат разнообразные источники, подвергнутые позднейшей литературной обработке.

К настоящему времени есть основания полагать, что первый из источников летописного рассказа — Речь философа — является переведенным с греческого памятником древнеславянской письменности, имевшим широкое употребление в миссионерских целях в Моравии и Восточной Болгарии еще в IX—X веках. На Руси он стал известен не позднее начала XI века и вошел в состав наших древнейших летописных сводов[11].

Гораздо сложнее дело обстоит со вторым источником летописного повествования — сказанием о крещении Владимира в Корсуни, или, как его обычно называют, Корсунской легендой. Как показал А. А. Шахматов, эта легенда сложилась во второй половине или даже в последней четверти XI века и сначала существовала отдельно от летописи[12]. По своему происхождению она самым тесным образом связана с Корсунью, а ее автором, учитывая его хорошую осведомленность в херсонесской топографии и знание греческого языка, можно признать грека-корсунянина или русского, близко знакомого с Корсунью. Поэтому

весьма вероятным может считаться предположение, выдвигаемое рядом исследователей, согласно которому этим автором являлся кто-либо из клириков построенной святым Владимиром в Киеве Десятинной церкви, которые, по-видимому, продолжали сохранять связи с Корсунью, откуда они были родом, и пополняли свой штат выходцами оттуда [13].

Подтверждением такому предположению может служить и такое важное — с нашей точки зрения — обстоятельство, что корсунское предание о крещении Владимира в этом городе не получило никакого распространения в общей исторической традиции: о нем ничего не говорится ни в одном из дошедших до нас источников, повествующих о событиях, связанных с Крещением Руси.

Цель составления сказания о крещении Владимира в Корсуни можно объяснить стремлением его автора приписать своему родному городу всю заслугу в просвещении Руси христианством, прославить корсунские святыни и саму Десятинную церковь как одну из древнейших и по праву пользующуюся привилегиями, данными ей еще святым Владимиром. Вместе с тем эта легенда содержит изложение обстоятельств Крещения Владимира и Руси, в котором историческая правда иногда переплетается с благочестивым вымыслом. В этом, по всей вероятности, могло проявиться огнепальное желание наших предков видеть в жизни и характере Владимира-христианина возвышающие его черты.

Как уже отмечалось, составитель Начального свода имел в своем распоряжении и сказание о крещении Владимира в Корсуни, и рассказ о крещении киевского князя от греческого философа. Причем, по мнению ряда авторов, этот последний, входивший в состав наших древнейших летописей, совсем по-иному излагал версию о крещении Владимира, никак не связывая его с Корсунью. Летописцу, как видно, отдавшему предпочтение Корсунской легенде, пришлось выпустить его окончание и, проявив литературный талант, заменить сообщением о посольстве, посланном Владимиром для испытания вер, а также обстоятельной передачей повести о крещении киевского князя в Корсуни [14].

Определение исторической достоверности летописного повествования о Крещении Руси представляет не меньше трудностей, нежели критический анализ его текста, и — по нашему глубокому убеждению — возможно с применением не только лишь филологического, но прежде всего исторического подхода к памятнику.

Существует мнение, согласно которому начальный фрагмент летописного сообщения, где говорится о миссионерах из разных стран, приходивших к Владимиру с предложением вер, имеет легендарный характер и является литературным вымыслом летописца [15]. Однако, полагаем, нельзя не видеть, что он отражает действительные события, предшествовавшие Крещению Руси, и вводит нас в реальную историческую обстановку. Хорошо известно, какие осложнения, приведшие даже к временному разрыву отношений между Православной Церковью и Римом, вызвало в IX веке крещение сравнительно небольшого по численности и занимавшего не столь обширную территорию болгарского народа. Даже один этот факт дает нам возможность ясно представить, какая борьба и религиозные споры должны были предшествовать Крещению Киевской Руси. Отзвуки этой борьбы дошли до нас не только

через посредство сообщения о миссионерах из разных стран, о ней прямо говорится и на страницах наших летописей [16].

Как уже отмечалось, помещенная в летописном повествовании о Крещении Руси под 986 годом Речь философа является фрагментом переводного памятника древнеславянской письменности. Но есть все основания предполагать, что в 986 году в Киеве действительно могли быть греки, поскольку там могло появиться византийское посольство, правда, не с миссионерскими, а с политическими целями.

Отнюдь не всё легендарно и во второй части летописного повествования — в сказании о крещении Владимира в Корсуни. В научной литературе уже не раз отмечалось, что в основе его лежат подлинные исторические события: поход Владимира на Корсунь, бракосочетание его с царевной Анной, возвращение из похода со священниками, которые потом содействовали Крещению и просвещению Русской земли [17]. Нет также никаких оснований не доверять фактической стороне сообщения об осаде Корсуни, которая подтверждается последними археологическими открытиями [18]. Как уже говорилось, большим сомнениям подвергалась и хронология Корсунской легенды. Но, как мы попытаемся показать, часть событий, о которых рассказывается в летописи под 988 годом, действительно происходила в указанное время, является исторически достоверной, что находит подтверждение в других письменных источниках.

Таким образом, принимая ряд критических замечаний, высказанных исследователями летописного повествования в отношении обстоятельств, места и времени крещения святого Владимира и Руси, мы никак не можем согласиться с односторонними суждениями касательно того, что это повествование является лишь вымыслом. По нашему глубокому убеждению, оно обладает не только высокими литературными достоинствами, но и большой исторической значимостью, до сих пор оставаясь если не основным, то безусловно необходимым источником для выяснения обстоятельств и времени крещения святого Владимира и Руси.

Иного рода письменным источником по вопросу Крещения Руси являются многочисленные жития святого Владимира, дошедшие до нас в разновременных списках, древнейшие из которых относятся к XIV веку [19]. Количество этих списков различных редакций настолько велико [20], что это дало возможность исследователям прийти к обоснованному выводу о глубоком интересе к личности великого князя со стороны образованной части общества Древней Руси [21]. Однако весьма сложным является вопрос о времени составления первых житий святого Владимира, который самым тесным образом связан с такой важной проблемой, как его канонизация. Рассмотрение этой проблемы, естественно, выходит за пределы настоящего доклада. Здесь хотелось бы лишь отметить: как бы ни решалась проблема о времени канонизации святого Владимира, в любом случае имеются все основания предполагать, что Креститель Русской земли был славим и ублажаем нашими предками еще в XI веке, т. е. до официального причисления его нашей Матерью-Церковью к лику святых [22]. Тогда же, по мнению ряда исследователей, были составлены и первые жития [23].

Источником при составлении житий служило летописное повество-

вание о Крещении Руси или сама Корсунская легенда [24]. Однако, как утверждают некоторые авторы, в основе этих житий могло лежать и особое древнее сказание о святом Владимире [25] (их составители могли пользоваться устными народными преданиями [26]).

Для выяснения вопроса о времени и обстоятельствах крещения святого Владимира и Руси жития, как мы увидим, являются необходимым источником, дающим возможность восстановить ряд важных подробностей, связанных с этим событием.

Как уже отмечалось, в современной историографии выдвигалась версия о возможном крещении святого Владимира в 982 году. Письменным источником для подобного утверждения послужила открытая В. Н. Татищевым так называемая Иоакимовская летопись, составленная, по его мнению, якобы еще при первом новгородском епископе — Иоакиме Корсунянине. Однако, благодаря изысканиям ряда историков, было убедительно доказано, что эта летопись принадлежит не Иоакиму, епископу X века, а была составлена под наблюдением Патриарха Московского Иоакима, в бытность его новгородским митрополитом в 1673—1674 гг. При всех своих литературных достоинствах по своему составу она является позднейшей компиляцией из разных по времени русских и иностранных летописей, наполнена всевозможными недостоверными сообщениями и ни в коей мере не может служить источником по истории Древней Руси [27].

Начиная с прошлого столетия, наша отечественная историография располагает еще тремя древнейшими источниками, в которых содержатся сведения по интересующему нас вопросу. Первый из них — «Слово о законе и благодати» — принадлежит первому русскому по происхождению митрополиту Киевскому Илариону и относится к первой половине XI века, хотя и дошел до нас в списках более поздних [28].

Второй — «Чтение о святых мучениках Борисе и Глебе» — был написан в 80-х годах XI века и принадлежит перу преподобного Нестора Летописца, составителя первой редакции «Повести временных лет» [29]. В этих двух древнейших памятниках русской письменности ничего не говорится ни о крещении Владимира в Корсуни, ни о посещении его миссионерами из разных стран. Совсем иначе в них освещаются и причины, побудившие великого князя принять Православие. Более того, преподобный Нестор, в отличие от летописи, относит крещение Владимира не к 988, а к 987 году [30].

Третьим источником, где достаточно подробно повествуется о Крещении святого Владимира и Русской земли, является «Память и похвала святому Владимиру», составленная мнихом Иаковом и дошедшая до нас в рукописях, наиболее ранняя из которых датируется XV веком [31]. Исключительное значение этого источника для выяснения обстоятельств и времени крещения великого князя и наших предков подчеркивал еще открывший это замечательное произведение древнерусской письменности митрополит Макарий. По мнению выдающегося и авторитетнейшего ученого нашей Православной Церкви, «важность этого источника открывается уже из того, что он, будучи составлен прежде преподобного Нестора (Летописи), дополняет летопись новыми известиями и окончательно решает некоторые вопросы о Крещении святого Владимира и земли Русской» [32].

Согласно «Памяти и похвале», Владимир, а с ним «чада и весь дом его» приняли Святое Крещение в 987 году, то есть еще до Корсунского похода. Следующим летом киевский князь ходил к днепровским порогам и лишь на третье лето взял Корсунь. Стоя под этим городом, великий князь обратился с горячей молитвой к Богу, прося помочь ему овладеть Корсунью. Бог услышал молитву святого Владимира, и князь «прия град Корсунь». После этого он отправил посольство к царям Константину и Василию и просил руки их сестры. Императоры согласились, и Владимир, венчавшись с Анной и взяв церковные сосуды, иконы и мощи святых, возвратился в Киев с твердым намерением сделать всю Русь христианской и православной.

Как видим, автор «Памяти и похвалы» излагает совершенно отличную от летописной версию о Крещении святого Владимира и Руси, значительно расходящуюся с последней как в хронологии, так и в изложении сопутствующих обстоятельств. Здесь ничего не говорится о крещении великого князя в Корсуни, напротив, прямо утверждается, что Владимир крестился еще до корсунского похода, в 987 году, и, как можно предположить, исходя из сообщения Иакова, крестился дома, в нашем Отечестве. Корсунь же была взята русскими войсками только на третье лето после крещения великого князя, то есть не ранее 989 года. И в том же году, возвратившись из корсунского похода, Владимир и приступил к Крещению Русской земли.

«Память и похвала» неоднократно привлекала к себе внимание исследователей. И хотя в современной историографии нет единого мнения относительно времени ее составления, имеются достаточные основания, вслед за митрополитом Макарием, считать ее памятником первой половины XI века. Этой точки зрения в последнее время придерживались и такие известные ученые, как М. Н. Тихомиров и Л. В. Черепнин [33]. Но если время составления этого памятника еще и ставится под сомнение, то относительно его исторической значимости среди исследователей наблюдается почти полное единодушие: по достоверности и авторитетности сообщаемых в ней сведений «Память и похвала» намного превосходит летописное повествование о Крещении Руси [34].

Несколько сложнее обстоит дело с вопросом об источниках, которыми мог пользоваться Иаков. В настоящее время с достаточной вероятностью можно утверждать, что таковыми являлись древнейшие сказания и летописи, восходившие к X столетию, то есть составленные при жизни святого Владимира [35], когда обстоятельства Крещения Руси были еще свежи в памяти у его современников.

Как уже говорилось, летописное повествование о Крещении святого Владимира и Руси так до конца и не разъясняет вопроса, почему киевский князь решился переменить веру своих отцов. Убедил ли его своей проповедью греческий философ, или причинами, побудившими его решиться на этот шаг, явились честолюбие и политический расчет, стремление породниться с византийским царствующим домом? Но в таком случае остаются совершенно непонятными его колебания и сомнения даже в Корсуни, где он имел намерение креститься. И способен ли был человек колеблющийся, сомневающийся, менявший веру случайно, каким нам и представляет Владимира летопись, возвыситься до пони-

мания истинных интересов народа и стать Крестителем всей Русской земли?

Мних же Иаков, напротив, прямо говорит, что Владимир слышал о бабке своей Ольге, как ходила она в Царьград и «приняла святое крещение и свято жила перед Богом, украсившись всеми добрыми делами». И под влиянием этого «разгарашется Духом Святым сердце его, хотя святого крещения». И Бог, «провидя доброту его, и призри с небесе милостью Своею и щедротами... и просвети сердце князю Рускыя земля Володимерю прияти святое крещенье».

Прекрасным дополнением к свидетельству Иакова служат и слова митрополита Илариона, который говорит о том, что Владимир «не видел апостола, приходившего в землю (его)... но сам притек ко Христу», руководствуясь лишь «благим смыслом и острым умом». И не какой-нибудь философ впервые познакомил его с христианским учением, но он «*всегда* слышал о благоверной земле Греческой, христолюбивой и сильной верою, как чтут там единого в Троице Бога и поклоняются Ему... И, слышав все это, возжелал он сердцем и возгорелся духом стать христианином самому и обратить землю свою ко Христу. Так и произошло». Но, как указывает митрополит Иларион, в сердце Владимира «воссиял свет разума», ибо «посетил его посещением своим Всевышний, призрело на него всемилостивое око преблагого Бога».

Эта замечательная мысль митрополита Илариона находит свое подтверждение и в словах преподобного Нестора, который, говоря о Владимире, отмечает, что христианином его сделало «явление Божие».

Таким образом, по свидетельству наших древнейших писателей: митрополита Илариона, мниха Иакова и преподобного Нестора — истинными причинами, побудившими Владимира принять Святое Православие, были пример его бабки-воспитательницы, святой равноапостольной великой княгини Ольги, ознакомление с христианским учением, распространившимся в нашем Отечестве задолго до времени его княжения [36], и, наконец, самая главная — посещение Всевышнего, призревшего на него всемилостивым оком Своим, как выражается митрополит Иларион, или воспламенение «Духом Святым сердца его», как говорит мних Иаков. Сам Всеблагой Господь чудесным и незримым действием благодати Своей является Владимиру и обращает его ко Христу, чтобы через святого привести к Себе и всю Русь. Вот основная и истинная причина, побудившая святого Владимира переменить религию своих отцов,— причина, определившая великую будущность великого Русского народа!

Заканчивая разбор русских источников и переходя к рассмотрению источников иностранных, в которых повествуется о Крещении Руси или о событиях, так или иначе с ним связанных, нам бы хотелось остановиться на одном важном, с нашей точки зрения, вопросе. В научной литературе можно еще встретить выводы о том, что сказания или исторические записи о Крещении Руси были составлены значительно позднее времени его свершения [37]. Но, как мы пытались показать и как считаем, это священное для Русской земли и для всей Восточной Европы событие сразу же возбудило живой интерес у его

современников. О нем писали много и в X веке, и — особенно — в XI: да, писали по-разному, часто со взаимоисключающими подробностями и противоречивой хронологией. Но мы склонны видеть в этом факте не равнодушие к нему у его очевидцев, а, напротив, то, что обстоятельства и время Крещения святого Владимира и Руси с самого начала сосредоточивали на себе напряженное внимание и современников, и всех последующих поколений русских людей. И их горячее желание как можно глубже осмыслить его значимость с точки зрения национального самосознания, запечатлеть в сердцах новопросвещенных соотечественников величие духовного подвига святого князя Владимира могло, конечно, привести к появлению в составе сочинений наших древнейших писателей известий легендарного характера и послужить поводом к возникновению споров об обстоятельствах и времени Крещения святого Владимира и Русской земли.

II

Историческая значимость иностранных — и прежде всего византийских и арабских — источников несомненна.

Однако, обращаясь к византийским источникам, освещающим события конца X века, мы сталкиваемся с известной проблемой tacito consensu. Ни один из византийских авторов, или современников Крещения Руси, или живших лишь несколько позднее, в XI веке, не упоминает об этом событии, обходит его полным молчанием.

Некоторые исследователи полагают, что в этом молчании сказалось стремление греков скрыть ряд неприятных для их национального самолюбия моментов, связанных с Крещением Руси [38]. Другие считают его причиной утрату ряда сочинений византийских историков, современников этого события [39]. Сравнительно недавно была высказана еще одна точка зрения по этому вопросу. Согласно таковой, греки в качестве официального могли иметь в виду крещение русских, свершившееся еще в 860 г., при киевских князьях Аскольде и Дире. Это отмечал в окружном послании Патриарх Константинопольский Фотий, в этом позднее был убежден Константин Багрянородный, составивший около 950 года жизнеописание императора Василия I. Таким образом, византийские историки X—XI веков могли рассматривать крещение Владимира и нашего народа как частное явление, в целом продолжая воспринимать Русь как страну давно уже христианскую [40].

Но в любом случае сообщения византийских авторов заслуживают самого пристального внимания, поскольку позволяют в достаточной степени восстановить картину русско-византийских отношений, находящихся в прямой связи с Крещением Руси.

Эти сообщения содержатся в хрониках Михаила Пселла и Иоанна Скилицы, писавших во второй половины XI века, а также в истории Льва Диакона, современника событий 986—989 гг. В них упоминается факт прибытия в Константинополь русского отряда и его участия в сражениях с войсками Варды Фоки, взбунтовавшегося против императора Василия. Кроме того, здесь также говорится и о браке Владимира с сестрой императора. Но самое ценное известие передает нам Лев Диакон, рассказывая о взятии Корсуни, как это обычно принимается, дружинами киевского князя [41].

В тесной связи с известиями арабских авторов, среди которых наиболее важное место по исторической ценности сохраненных им сведений принадлежит православному историку Яхье Антиохийскому, современнику интересующих нас событий, хроники, принадлежащие двум другим арабским историкам, Аль-Мекину и Ибн-Аль-Атиру, имеют намного меньшее значение, поскольку их авторы писали уже в начале XIII века [42].

Свидетельства арабских авторов позволяют не только с достаточной точностью восстановить хронологию событий, связанных с борьбой императора Василия с мятежным Вардой Фокой, но и определить время взятия Корсуни русскими войсками. Более того, арабские источники сообщают о Крещении князя Владимира и Руси. В них также сообщается и о переговорах императора Василия с князем Владимиром, итогом которых явился договор о посылке русских войск в помощь Василию и о браке Владимира с сестрой Василия Анной. Причем в качестве обязательного условия для заключения этого брака византийской стороной было выдвинуто требование о крещении самого князя и его народа.

Таким образом, сведения арабских историков существенно дополняют известия, содержащиеся у византийских авторов, и помогают глубже понять и точнее определить весь ход событий, связанных с Крещением Руси.

О крещении Владимира сообщается и в скандинавских сагах, согласно которым решающее влияние на киевского князя в его обращении оказал Олав Трюгвасон, конунг Норвегии. Однако эти свидетельства, являясь позднейшим вымыслом, лишены всякого исторического основания, стоят вне всякой хронологии и заключают в себе ряд противоречий [43].

Важным источником по вопросу Крещения Руси является всеобщая история армянского историка Степаноса Таронаци (известного под именем Асохика), почти современника этого события. Лишь он один сообщает, что русский отряд, посланный на помощь Василию, насчитывал шесть тысяч человек и продолжал оставаться у него на службе и после подавления мятежа Варды Фоки, участвуя в походах императора на Балканы и на Восток [44].

Как видим, почти все иностранные источники обладают действительной исторической значимостью. Их значение заключается в том, что они дают возможность восстановить общий исторический фон, на котором разворачивались события, связанные с Крещением Руси, а также с достаточной точностью определить хронологию этих событий и время Крещения святого Владимира и Руси.

III

На основании сделанного нами обзора русских и иностранных источников, повествующих о времени, близком к Крещению Руси, попытаемся следующим образом представить весь ход событий, происходивших в период 986—989 гг.

В августе 986 года, после неудачной осады Софии, отступавшие византийские войска понесли тяжелое поражение в Ихтиманском ущелье от болгар, возглавляемых комитопулом Самуилом. Сам импе-

ратор Василий едва спасся бегством, а Самуил после этого быстро отвоевал всю Восточную Болгарию, взял Лариссу и захватил крупнейший византийский порт на Адриатическом море — Диррахий. Под угрозой оказались все владения Византии в Европе [45].

Василий был бессилен перед болгарской опасностью и не только потому, что у него не хватало средств для борьбы [46]. В этом же, 986 году неожиданно вспыхнул мятеж провинциальной военной знати под предводительством Варды Фоки. Мятежом оказались охвачены почти все малоазийские провинции империи. Более того, на сторону Фоки перешли и грузинские отряды, составлявшие своего рода гвардию при византийском императоре. В августе следующего, 987 года Варда Фока провозгласил себя императором и к лету 988 года уже стоял на Босфоре, угрожая Константинополю.

Он разделил свои войска на две части: первая, под начальством Калокира Дельфины, должна была занять господствующие над Хрисополем высоты и оттуда угрожать столице; вторая, под предводительством Льва Мелиосена,— взять Авидос, чтобы соединиться с мятежным флотом и прекратить подвоз продовольствия в Константинополь.

Положение Василия оказалось безвыходным. Он не мог не понимать, что в сложившейся обстановке речь идет не только о будущем династии, но и о спасении его собственной жизни. Вот почему он просто вынужден был обратиться за помощью к киевскому князю.

«Повесть временных лет» относит прибытие византийского посольства в Киев к 986 году, считая цель его чисто миссионерской. Но есть все основания предполагать, что истинной целью этого посольства являлась задача политическая — добиться немедленного оказания военной помощи [47]. Это тем более вероятно, что греки могли настаивать на ней, поскольку по договору 971 года, заключенному между князем Святославом и императором Иоанном Цимисхием, киевский князь обязан был помогать императору [48]. Видимо, в ходе переговоров о заключении союзного договора с греками Владимир и потребовал руки царевны Анны в качестве непременного условия для оказания военной помощи.

Сравнительно давно уже сложилось мнение, согласно которому требование киевского князя переходило границы допустимого в истории международных отношений [49]. В качестве подтверждения этому обычно приводилось наставление Константина Багрянородного сыну или ответ послу Луитпранду Кремонскому, который в 968 году искал в Константинополе невесту для сына германского императора Оттона I: «Неслыханное дело, чтобы багрянородная дочь багрянородного императора могла быть выдана за иноземца»[50]. Однако, ссылаясь на официальную теорию международных отношений, которой в определенное время, конечно, могли следовать византийские дипломаты, не следует забывать, что ни император Никифор Фока (863—869), ни Константин Багрянородный не находились в столь отчаянном положении, как Василий. И в сложившейся ситуации он, бесспорно, вынужден был руководствоваться не отвлеченной имперской теорией, а конкретными обстоятельствами.

Византийское посольство, полагаем, вряд ли имело такие полномочия, чтобы дать немедленный ответ на требование Владимира. По-

этому можно допустить, что в конце 986 и начале 987 года происходили деятельные сношения между Константинополем и Киевом, окончившиеся наконец заключением союзного договора к осени 987 года, когда колебаниям Василия положило предел распространение мятежа Варды Фоки. Согласно этому договору Владимир обязан был оказать императору немедленную военную помощь, а брак его с царевной Анной должен был состояться после его крещения [51].

В конце того же 987 года, как об этом сообщает и мних Иаков, киевский князь выполняет взятое на себя обязательство — принимает со своим домом и в своем Отечестве Святое Крещение. Здесь следует отметить следующее. Как известно, наши предки придерживались мартовского календаря. Но последние месяцы мартовского 987 года являлись в то же время первыми месяцами 988 январского года. Поэтому, согласно современному календарю, святой Владимир крестился в 988 году, в промежутке времени между 1 января и 1 марта. Поскольку же совершенное над ним Таинство положило начало и Крещению всей Русской земли, то предлежащий 1988 год является действительным юбилеем этого величайшего события.

После крещения Владимир выполняет и другое свое обещание и в начале 988 года отправляет свои дружины в Константинополь на помощь Василию. Появление этих дружин в Константинополе во всяком случае следует отнести ко времени не позднее апреля, поскольку еще в апреле 988 года положение Василия оставалось критическим. На это прежде всего указывает изданная императором 4 апреля 988 года новелла, в которой он обращается за поддержкой к своим подданным и отменяет ряд законов, принятых его предшественниками [52].

Когда прибыли русские войска, положение Василия резко изменилось. Соединив их с оставшимися верными ему отрядами, император после уговоров мятежников решился напасть на них при Хрисополе, где стоял Калокир Дельфина. Сражение произошло летом 988 года [53]. Русские войска с восходом солнца напали на мятежников, а императорский флот в то же время уничтожил греческим огнем их лагерь. Дельфина потерпел сокрушительное поражение и сам попал в плен. Одержав, благодаря русским, эту победу, Василий во второй половине 988— начале 989 г. занялся покорением приморской области и захватом флота Варды Фоки [54].

В апреле 989 года противники встретились при Авидосе. Несколько дней прошло без боя, но в ночь на 13 апреля император внезапно атаковал мятежников [55]. Неожиданная смерть Варды Фоки внесла еще большее смятение в его войска, которые почти полностью были уничтожены. Мятеж окончился. Василий при деятельной помощи русских войск избежал грозившей ему опасности и сохранил свой трон.

По сообщению Льва Диакона, около этого времени на небе появились огненные столбы (то есть отблески северного сияния, что является весьма редчайшим явлением в этих краях). Хронистом они трактуются в качестве предзнаменования последовавшим вскоре за тем взятию Корсуни тавро-скифами (так в Византии называли русских) и захвату Веррии болгарами. Вслед за этими событиями, продолжает византийский историк, на небе появилась комета, предвещавшая новое бедствие — землетрясение в Царственном граде [56]. Сопоставление сооб-

щений Льва Диакона с датировкой этих природных явлений у Яхьи Антиохийского позволяет определить время взятия Корсуни русскими войсками — с 7 апреля (столбы) по 27 июля (комета) 989 года[57]. Союзник и друг империи киевский князь превратился в ее врага.

Уже давно найдено объяснение такой неожиданной перемене в отношениях между Владимиром и византийским императором. Последний, получив необходимую помощь от киевского князя и избавившись от грозившей ему опасности, не стал выполнять условия заключенного союзного договора. И Владимир вынужден был прибегнуть к силе, чтобы заставить императора не нарушать своих обязательств[58].

До сих пор остается спорным вопрос: когда же произошла эта перемена и когда Владимир выступил в поход против Корсуни? Большая часть исследователей относит весь поход и осаду Корсуни к весне — лету 989 года, то есть к окончанию мятежа Варды Фоки, игнорируя при этом свидетельства русских источников — «Повесть временных лет» и житий святого Владимира — относительно трудности и продолжительности осады[59]. В качестве доказательства в пользу такой датировки похода они приводят мнение, высказанное еще Е. Е. Голубинским, согласно которому киевский князь не мог осаждать город в то время, когда его дружины в составе войск императора Василия сражались с мятежниками[60]. Выдвигая подобное объяснение, они, как нам кажется, упускают из виду одно очень важное обстоятельство. Владимир, заключив союзный договор с императором и получив обещание последнего выдать за него свою сестру, не мог не знать обычного отношения византийского двора к подобного рода притязаниям. Он не мог не понимать, что согласие Василия было вынужденным и диктовалось той политической обстановкой, в которой тот находился. Более того, Владимиру наверняка должны были быть известны все неудачные попытки Самуила Болгарского породниться с Василием, предпринимавшиеся совсем недавно — в 986 году[61]. Поэтому вполне обоснованно можно предположить, что у киевского князя еще при заключении договора с императором могли появиться сомнения в выполнении последним своих обещаний.

Как сообщает мних Иаков, летом 988 года Владимир ходил к днепровским порогам. Здесь, вполне возможно, он мог ожидать Анну, поскольку ей и сопровождавшему ее посольству могла угрожать опасность со стороны печенегов, постоянно карауливших русских у порогов[62]. Но Анна не приехала, и Владимир прождал напрасно. Однако, в силу указанных выше соображений, он уже был к этому готов и мог явиться к порогам с вполне достаточным отрядом не только для того, чтобы проводить Анну в Киев, но и для того, чтобы немедленно силой потребовать выполнения данных ему обещаний. Он это и исполнил, сразу же двинув свои дружины на Корсунь, что по времени совпадает и с летописным повествованием, относящим этот поход к 988 году[63].

Русские источники — и «Повесть временных лет», и жития святого Владимира — согласно повествуют о трудностях осады. Видимо, Василий, в это время еще боровшийся с мятежниками, не напрасно надеялся на то, что Корсунь сумеет постоять за себя. Известно, что город был опоясан мощными боевыми стенами, а в наиболее опасных участках, кроме основной оборонительной линии, вперед была вынесена и вспо-

могательная боевая стена[64]. Владимир осаждал Корсунь долгое время: как сообщается в его житиях, не менее шести месяцев[65], и взял ее, как говорят об этом Иаков, византийские и арабские источники, в мае — июне 989 года.

Взятие Корсуни явилось тяжелым ударом для Византии. Несмотря на то, что Василию удалось к этому времени покончить с мятежом Варды Фоки, положение его оставалось еще достаточно непрочным. Болгары продолжали свои опустошительные набеги на территорию империи, а в Малой Азии вновь началось возмущение, теперь уже Варды Склира. Кроме того, открытие военных действий со стороны Владимира могло вызвать волнение и среди русских войск, еще продолжавших находиться на службе у императора. Вот почему в ответ на посольство киевского князя к Василию с грозным требованием исполнить условия договора последний вынужден был немедленно позаботиться об отправлении Анны к Владимиру.

Брак последнего с византийской царевной был заключен в Корсуни. Как можно предполагать, венчание происходило в соборной церкви этого города, в храме Святых Апостолов. Дружина же Владимира приняла Святое Крещение во Влахернской церкви Пресвятой Богородицы[66]. Затем, поставив у стен города церковь своему небесному покровителю — святому Василию, Владимир с женой, греческим корсунским духовенством, с иконами, мощами и церковными сосудами возвратился в Киев.

Здесь, летом 989 года, после предварительного оглашения народа в вере, в величайший и священный для нашей Православной Церкви и для русского народа день и произошло крещение наших пращуров в водах Днепра.

Таков — по нашему мнению — общий ход событий, увенчавших собой, по словам Святейшего Патриарха Пимена, «многовековой процесс становления христианства на Руси, начавшийся, по преданию, проповедью апостола Андрея Первозванного и закрепленный подвигом равноапостольных братьев Кирилла и Мефодия».

IV

Предлагая изложенное выше решение вопроса о времени и обстоятельствах Крещения святого Владимира и Руси, мы предвидим одно имеющее возникнуть сомнение: каким же образом при таком ходе событий возможно понять и согласить противоречие между указанными у мниха Иакова, митрополита Илариона и преподобного Нестора причинами, побудившими князя Владимира принять христианство, и самим его крещением, предусмотренным в заключенном с Византией договоре и вызванным требованием императора? Не являлись ли в таком случае, как на это часто указывается[67], принятие им христианства и его поход на Корсунь следствием политического расчета и честолюбивых стремлений породниться с византийским двором?

Подобный взгляд на личность великого князя, по нашему мнению, может быть лишь следствием весьма упрощенного и поверхностного представления о нем и как о человеке, и как о государственном деятеле. Хорошо известно, что история христианства знает немало случаев, когда язычники, уже уверовав во Христа, по разным причинам

и обстоятельствам еще долгое время оставались в своем прежнем положении и не спешили с совершением самого Таинства Крещения, выжидая для этого более удобный случай. Так поступил, например, святой равноапостольный Константин Великий, с которым не случайно и справедливо наши предки сравнивали святого Владимира. У последнего, как и у первого, также могли быть и, как нам кажется, были весьма серьезные причины, побуждавшие его откладывать само крещение.

Будучи просвещен благодатью Святого Духа и глубоко осмыслив всю величайшую спасительную силу Святого Православия для бытия своего народа, святой Владимир не мог со всею отчетливостью не сознавать, какие трудности придется ему преодолеть на нелегком пути к тому, чтобы убедить в этом и весь свой народ. Не единожды должен был он обдумать и тщательно взвесить все обстоятельства задуманного им священного деяния, учесть все возможные случайности, которые могли бы помешать ему на сем спасительном пути.

Совсем незадолго до описанных нами событий киевляне-язычники подвергли мучительной казни двух христиан, первых наших мучеников за святую веру, Феодора и Иоанна. И объявить в сложившейся обстановке о неожиданной перемене веры, заставить народ отказаться от его освященных веками языческих суеверий было бы крайне опасным и необдуманным шагом.

С другой стороны, внешние политические обстоятельства, о которых мы говорили выше и которые столь серьезно должны были повлиять на весь дальнейший ход событий, складывались таким образом, что откладывать свое собственное крещение значило бы отложить на неопределенное время и Крещение всей Русской земли.

И решение, принятое святым Владимиром в такой обстановке, вновь и вновь заставляет нас проникнуться восхищением перед высшей политической мудростью и благоразумием великого князя, перед его, по словам митрополита Илариона, «благим смыслом и острым умом». Для него, уже непоколебимо уверовавшего во Христа, само крещение было лишь вопросом времени. И он не затруднился выполнить условие императора, которое явилось для него лишь *ближайшим поводом* к осуществлению давно задуманного.

В силу указанных выше причин крещение Владимира было совершено без особой торжественности и на первых порах оставалось тайной для современников. Видимо, только этим и можно объяснить тот факт, что ни Иаков Мних, ни митрополит Иларион, ни преподобный Нестор ничего не говорят о месте крещения великого князя. И лишь на основании свидетельств «Повести временных лет» мы можем высказать предположение, что это священное для нас событие произошло в самом Киеве или в Василеве [68].

Тот же «благий смысл и острый ум» святого Владимира, ту же политическую мудрость и заботу его о благе своего народа мы видим и во время осады Корсуни. Выше уже говорилось, как нелегка была эта осада, с какими она была сопряжена трудностями и потерями. И тем не менее, как сообщают об этом наши отечественные источники, великий князь готов был стоять под городом и три года. Трудно поверить, чтобы подобную настойчивость мог проявить человек, желавший ото-

мстить за обман или мечтавший удовлетворить свое тщеславие, женившись на сестре императора. В нескольких словах Иаков Мних передает нам действительную цель такой настойчивости[69]. По его словам, под стенами города святой Владимир молил Господа помочь взять ему Корсунь, чтобы «привести люди крестьяны и попы на свою землю и да научать люди закону крестьяньскому».

Вот истинная причина, вот возвышеннейшая цель, которой руководствовался святой муж и заключая договор с Византией, и требуя руки византийской царевны, и осаждая Корсунь!

В стремлении и намерении преобразовать течение жизни великого русского народа на христианских началах святой Владимир, непрестанно слышавший «о благоверной Греческой земле», глубоко сознавал промыслительную необходимость в деле христианского благоустроения Руси прибегнуть к духовной сокровищнице Византии, к ее многовековому и зрелому опыту следования Христу.

Новонасаждаемая отрасль Христовой Церкви необходимо должна была восприять часть от благодатного наследия Святого Кафолического Православия.

Возвратившись в Киев вместе со своими сподвижниками, крестившимися в Корсуни, и духовенством, святой Владимир открыто объявил о своем неколебимом решении крестить весь русский народ, твердо заявив: «...аще не обрящется кто... богат ли, ли убог, или нищь, ли работник, противен мне да будет». И великий русский народ, как бы предугадав и предуведев величие духовного подвига, совершенного его князем, вверился ему и с радостью потек ко Днепру, вторя: «...аще бы се не добро было, не бы сего князь и боляре прияли».

Насколько глубоко святой Владимир проникся спасительным христианским учением, насколько искренне и убежденно он прилепился к Святому Православию, насколько неисчерпаема была в нем сила любви к русскому народу, передает нам митрополит Иларион. Обращаясь к памяти великого князя, он восклицает: «Радуйся, учитель наш и наставник благочестия! Ты облечен был правдою, препоясан крепостью, обут истиной (ср.: Еф. 6, 14—15), венчан добромыслием и, как гривною и золотою утварью, украшен милосердием. Ты, о честная глава, был нагим — одеяние, ты был алчущим — насыщение, ты был жаждущим — охлаждение их утробы, ты был вдовам — вспомоществование, ты был странствующим — обиталище, ты был бескровным — покров, ты был обидимым — заступление, убогим — обогащение».

Эти проникновенные слова близки сердцу каждого православного русского человека, перед духовным взором которого неизменно предстоит великий князь земли Русской, просветивший ее светом Святого Крещения и достойно почитаемый и прославляемый нашей Русской Православной Церковью как апостолам равный.

* * *

Вот минует уже тысячелетие с той благословенной поры, когда необъятные воды Днепра стали священной купелью, возрождающей великий русский народ к новой жизни, к вечному спасению. И приближающееся торжество нашей Церкви, которая стала равной в семье равных Православных Церквей, будет торжеством прославления наше-

го благодатного приобщения ко Христу, к Его Церкви, созидаемой и освящаемой Духом Святым, в лоне которой вот уже много веков наш народ пребывает в завещанной нам святым равноапостольным великим князем Владимиром Святой Православной вере, в верности Святому Православию, в духовном единении и любви совершая свое спасение.

Приближающееся торжество нашей Церкви и народа Божия будет торжеством благоговейного памятования наших истоков, «откуду есть пошла Русская земля... и откуду Русская земля стала есть», благодарного памятования наших великих предков — славян, созидавших великую и свободную Русь, ставшую колыбелью трех великих боголюбивых братских народов — русского, украинского и белорусского, связанных древними и неразрывными узами единства рода, единства веры и единства исторических судеб, широко распростершихся по лицу земли и сплотивших окрест себя в нерушимую и вечную семью многие братские народы, положив тем основание бытию единого многонационального государства, нашего богоспасаемого Отечества.

Предлежащее торжество будет торжеством смиренного сорадования о безмерности духовных богатств нашего народа, о бесценности тысячелетних сокровищниц отечественной культуры, которые стяжались в веках, будучи созидаемы в творческом вдохновении, питаемом от неиссякаемых источников небесных, проникнутом устремленностью к высшим идеалам добра и справедливости, согретом чувством сострадательности, милосердия и человеколюбия по образу сораспинающейся любви Христовой.

Близлежащее торжество будет торжеством тысячелетнего жертвенного служения верных чад нашей Церкви воплощению в жизни нашего народа, в жизни народов всех стран и континентов, в жизни вселенского сообщества заповедей Божиих, подвигающих последователей Христа и всех людей доброй воли на подвиг утверждения в земном нашем доме общечеловеческих идеалов свободы, равенства и братства, принципов мирного сосуществования, плодотворного сотрудничества, взаимного уважения и доверия между народами.

К этому, как и всегда, неизменно призывает нас наша Святая Православная Церковь, достигшая ныне пределов совершенных, этому споспешествует Пастыреначальник и Господь наш Иисус Христос, молитвами и заступлением просветителя земли Русской святого равноапостольного великого князя Владимира, празднованием памяти которого и будет увенчана наша настоящая Конференция.

ССЫЛКИ И КОММЕНТАРИИ

[1] Эта дата в последнее время встречается в основном только в публицистической или научно-популярной литературе, а также в работах, где само событие — Крещение Руси прямо не рассматривается. Из современных исследователей ее придерживаются *Д. С. Лихачев* («Слово о законе и благодати» Илариона.— В кн.: Великое наследие. М., 1975, с. 10) и *Б. А. Рыбаков* (Киевская Русь и древнерусские княжества XII—XIII вв. М., 1982, с. 397), но последний об этой дате говорит осторожно, употребляя слово «около».

[2] В последнее время принята большинством исследователей, среди которых и такой выдающийся ученый, как *М. Н. Тихомиров* (Древняя Русь. М., 1975, с. 269). См. также: Речь митрополита Киевского и Галицкого *Филарета* при вручении ему

диплома доктора богословия honoris causa.— Журнал Московской Патриархии, № 10, с. 58—68; № 11, с. 61—65.

[3] Предположение о том, что Крещение Руси могло быть и в 990 году, высказал еще *Е. Е. Голубинский* (История Русской Церкви. Т. 1, 1 полутом. М., 1901, с. 164). Впоследствии оно было развито *Н. Левитским* (К вопросу о времени Крещения святого Владимира и Руси.— Христианское чтение, № 6—7, СПб., 1888). В последнее время этой датировки придерживался *М. В. Левченко* (Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, с. 370—371).

[4] Эта версия высказывалась *В. А. Пархоменко.* (Характер и значение эпохи Владимира, принявшего христианство.— Ученые записки Ленинградского гос. университета. Серия исторических наук. Вып. 8, № 73. Л., 1941, с. 211).

[5] Повесть временных лет. Т. 1. М.—Л., 1950, с. 59—83.

[6] Можно решиться высказать здесь мнение, что такие крупнейшие ученые XIX века, как *митрополит Макарий* и *С. М. Соловьев,* просто еще не были знакомы с другими письменными источниками (арабскими) и не решались посягнуть на авторитет летописи. Насколько нам известно, последним авторитетным исследователем, защищавшим историческую достоверность летописного рассказа в его полном объеме, был *А. И. Соболевский* (В каком году крестился святой Владимир.— Журнал Министерства Народного Просвещения, № 6, СПб., 1888, с. 396—403).

[7] *Е. Е. Голубинский.* Указ. соч., с. 105, 110—111.

[8] *А. А. Шахматов.* Корсунская легенда о крещении Владимира. СПб., 1906. *Он же.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.

[9] *А. А. Шахматов.* Разыскания... с. 133. Об источниках летописного рассказа о Крещении Руси также весьма интересна статья *Н. К. Никольского* (К вопросу об источниках летописного сказания о святом Владимире.— Христианское чтение. № 7. СПб., 1902, с. 89—106).

[10] *А. А. Шахматов.* Разыскания... с. 133—134.

[11] *О происхождении речи философа в историографии было написано достаточно* много. Следует отметить мнение А. А. Шахматова, считавшего ее источником болгарскую летопись — рассказ о крещении князя Бориса. — Разыскания... с. 467, Н. К. Никольского и Р. В. Жданова, полагавших, что это сочинение существовало в качестве отдельного произведения и читалось в составе Хронографа по великому изложению, откуда она и попала в Начальный свод.— *Н. К. Никольский.* Указ. соч.; *Р. В. Жданов.* Крещение Руси и Начальная летопись.— Исторические записки. Т. 5. М., 1939, с. 25. Убедительный, с нашей точки зрения, анализ этой речи дал А. С. Львов, выводов которого мы и придерживаемся. *А. С. Львов* (Исследование речи философа. — Памятники древнерусской письменности. Язык и текстология. М., 1968, с. 333—396).

[12] *А. А. Шахматов.* Разыскания... с. 134.

[13] *А. А. Шахматов* считает сочинителем Корсунской легенды одного из клириков Десятинной церкви.— Корсунская легенда... с. 60. Его мнение разделяет и *Р. В. Жданов* (Указ. соч., с. 28). *С. П. Шестаков* полагает, что им был киевлянин, побывавший в Херсонесе (Очерки по истории Херсонеса в VI—X веках по Р. Х. М., 1908, с. 89—90). *Н. И. Серебрянский* высказывается более осторожно, утверждая, что Корсунская легенда если не разработана, то редактирована греками (Древнерусские княжеские жития. Обзор редакций и тексты.— Чтения ОИДР, 1915, кн. 3. М., 1915, с. 80).

[14] Так, *А. А. Шахматов* полагал, что речь философа входила в состав летописного свода, составленного в 1039 году и названного им Древнейшим.— Разыскания... с. 151—152. Его мнение разделяют *Н. И. Серебрянский.* Указ. соч., с. 47, 80; *А. С. Львов.* Указ. соч., с. 395.

[15] *А. А. Шахматов.* Разыскания... с. 462. *М. В. Левченко.* Указ. соч., с. 345.

[16] Более подробно о них говорится в книгах: *Б. Я. Рамм.* Папство и Русь в X—XV вв. М.—Л., 1959; *М. Н. Тихомиров.* Указ. соч., с. 22—41; *М. В. Левченко.* Указ. соч., с. 348.

[17] *А. А. Шахматов.* Разыскания... с. 134—135.

Б. Д. Греков. «Повесть временных лет» о походе Владимира на Корсунь.—Избранные труды. Т. 11. М., 1959, с. 413—428.

[18] *Н. В. Пятышева.* «Земляной путь» рассказа о походе Владимира на Корсунь.— Советская археология, 1964, № 3, с. 104—114.

[19] *Н. К. Никольский.* Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X—XI вв.). СПб., 1906, с. 240.

[20] *А. А. Шахматов,* специально занимавшийся изучением агиографической лите-

ратуры о святом Владимире, выявил до 115 списков его житий в 6 редакциях XV—XVII вв.

[21] *Н. И. Серебрянский.* Указ. соч., с. 81.

В. Н. Перетц. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII веков. М., 1962, с. 30—32.

[22] Такую точку зрения высказал *Е. Е. Голубинский.* История канонизации святых в Русской Церкви. М., 1903, с. 63. Впоследствии ее приняли *А. А. Шахматов.* Корсунская легенда... с. 17 и *Н. И. Серебрянский.* Указ. соч., с. 59.

[23] К такому выводу пришел *А. А. Шахматов,* выделивший особую редакцию жития святого Владимира, названную им Житием особого состава (ЖОС). Как он полагал, это житие было составлено до Начального свода, то есть до 90-х годов XI века.— Корсунская легенда... с. 53 и сл. *Н. И. Серебрянский,* напротив, считал, что жития Владимира стали составляться не ранее XIII века, то есть времени канонизации святого князя.— Указ. соч., с. 59.

[24] Что жития почти полностью зависят от летописного рассказа, считал *Н. И. Серебрянский.* Указ. соч., с. 54. *А. А. Шахматов* полагал, что составитель жития особого состава пользовался Корсунской легендой, когда она существовала еще в отдельном виде.— Корсунская легенда... с. 74.

[25] Так утверждает *Н. И. Серебрянский,* замечая, однако, что «в каком из житийных памятников влияние этого древнего сказания отразилось заметнее и какой вид имело само сказание — трудно теперь определить».— Указ. соч., с. 43.

[26] Составители житий XI века (ЖОС) пользовались устными народными преданиями о святом Владимире, отмечает *А. А. Шахматов* (Корсунская легенда... с. 61—65).

[27] *С. К. Шамбинаго.* Иоакимовская летопись.— Исторические записки. Т. 21, 1947, с. 254—270.

Л. В. Черепнин. Русская историография до XIX века. М., 1957, с. 25.

М. Н. Тихомиров. Русское летописание. М., 1975, с. 82.

[28] «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона напечатано Н. Н. Розовым в «Slavia», roč XXXII, Praha, 1963, šeš. 2, S. 152, 175. Древнейшие списки «Слова» относятся к XV—XVI вв. — *Н. К. Никольский.* Материалы для повременного списка... с. 75—86.

[29] *А. А. Шахматов.* Разыскания... с. 55—56.

Н. И. Серебрянский. Указ. соч., с. 88.

«Чтение» напечатано Д. И. Абрамовичем. «Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им». Пг., 1916, с. 1—26.

[30] Из девятнадцати списков «Чтения» в шестнадцати год крещения святого Владимира назван ошибочно — 6490 (982) и только в трех — 6495 (987). Палеографически пропуск Е, обозначающий то 5, то концовку, т. е. 90-е, легко объясним. Впервые на это обратил внимание *Е. Е. Голубинский.* История Русской Церкви. Т. 1, 1 полутом, с. 137—138. Впоследствии С. Бугославский, один из лучших знатоков рукописной традиции произведений о Борисе и Глебе, убедительно доказал, что все три рукописи, отмечающие 6495 год, восходят к несохранившемуся архетипу «Чтения»: *С. Бугославський.* Українсько-руські пам'ятки XI—XVIII вв. Киев, 1928, с. 139.

[31] «Память и похвала св. Владимиру» напечатана *А. А. Зиминым.* Краткие сообщения института славяноведения. М., 1963, № 37, с. 66—75, а также *Е. Е. Голубинским.* История Русской Церкви. Т. 1, 1 полутом, с. 238—247.

[32] *Макарий, арх.* Три памятника русской духовной литературы XI века.— Христианское чтение, 1849, ноябрь, с. 305.

[33] *А. А. Шахматов* относил этот памятник к глубокой древности.— Разыскания... с. 28. *Н. И. Серебрянский* считал «Память» сочинением, составленным во второй половине XI века.— Указ. соч., с. 50.

А. Н. Насонов полагал, что «Память» — памятник второй половины XIII века, т. е. времени канонизации святого Владимира.— История русского летописания XI — начала XVIII века. М., 1969, с. 27—31.

М. Н. Тихомиров. Русское летописание, с. 62.

Л. В. Черепнин. «Повесть временных лет», ее редакции и предшествовавшие ей летописные своды.— Исторические записки. Т. 25, 1948, с. 331—333.

[34] Все вышеперечисленные авторы ставят историческую достоверность сведений в «Памяти» выше летописного рассказа.

[35] Эта точка зрения отстаивалась наиболее авторитетными учеными.

М. Н. Тихомиров. Русское летописание, с. 61—62.

Л. В. Черепнин. «Повесть временных лет»... с. 331—333.

Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1953, с. 475.

Б. А. Рыбаков. Указ. соч., с. 116—117.

[36] Достаточно подробно об этом: *Макарий, арх.* История Христианства в России до равноапостольного князя Владимира. СПб., 1868 и *М. Н. Тихомиров.* Древняя Русь, с. 261—268.

[37] *С. В. Бахрушин.* К вопросу о Крещении Руси.— Историк-марксист, 1937, кн. 2, с. 48—50; *Д. С. Лихачев.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М., 1947, с. 72—75. *А. Поппэ.* О причине похода Владимира Святославича на Корсунь 988—989 гг.— Вестник Московского гос. университета. История, 1978, № 2, с. 48.

[38] *Б. Д. Греков.* «ПВЛ» о походе... с. 419.

[39] *В. Г. Васильевский.* Труды, Т. 2, вып. 1. СПб., 1909, с. 67—68.

[40] *А. Поппэ.* Указ. соч., с. 47. Здесь хотелось бы указать на то, что умолчание византийских источников о Крещении Руси послужило одним из поводов для *М. Д. Приселкова,* который путем косвенных доказательств утверждал об изначальной зависимости Русской митрополии не от Константинопольской Церкви, а от Охридской архиепископии.— Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913, с. 23 и сл. Это предположение, не находящее поддержки ни в одном из дошедших до нас источников, было почти единодушно отвергнуто всеми последующими исследователями. Обоснованную критику точки зрения М. Д. Приселкова дали *М. В. Левченко.* Указ. соч., с. 373 и сл. и *А. Поппэ.* Русские митрополии Константинопольской Патриархии в XI столетии.— Византийский временник, тт. 28—29, М., 1968—1969 гг.

[41] *Psellos M.* Chronographia, I, vol. 1, § 13—15, Paris, 1926, p. 9. *Ioannis Scylitzae* synopsis historiarum. Edito princeps recensuit Ioanns Thurn. Berlin—N. Y., 1973, p. 336. *Leo Diaconus.* Historia. Bonnae, 1828, p. 175.

[42] Перевод хроники Яхьи сделан В. Р. Розеном. Василий Болгаробойца. Извлечения из летописи *Яхьи Антиохийского.* СПб., 1883, с. 23—24. Перевод сведений, относящихся к истории Руси, у Аль-Мекина сделан *В. Г. Васильевским.* Указ. соч., с. 73—83, а у Ибн-Аль-Атира — В. Р. Розеном. Указ. соч., с. 200.

[43] Перевод саги напечатан у Е. Е. Голубинского. История Русской Церкви. Т. 1, 1 полутом, с. 255—256. См. также: *Рыдзевская Е. А.* Легенда о князе Владимире в саге об Олаве Трюгвасоне.— Труды ОДРЛ. Т. II. М.—Л., 1935, с. 5—20.

[44] Всеобщая история *Степаноса Таронского, Асохика* по прозванию — писателя XI столетия. Перевод с армянского Н. Эмина. М., 1864, с. 200.

[45] История Болгарии. Т. 1. М., 1954, с. 95.

[46] *Лев Диакон* сообщает, что и через год Василий не мог оправиться от понесенного поражения.— Op. cit., p. 173.

[47] Что посольство появилось в Киеве сразу же после разгрома византийских войск в Болгарии, предполагает *В. Г. Васильевский.* Указ. соч., с. 88. *В. Р. Розен* считает (на основании показаний Яхьи), что посольство прибыло летом 987 года.— Указ. соч., с. 23—24.

[48] *А. Н. Сахаров.* Дипломатия Святослава. М., 1982, с. 201.

[49] *Е. Е. Голубинский.* История Русской Церкви. Т. 1, 1 полутом, с. 160—161.

М. В. Левченко. Указ. соч., с. 354.

[50] Liutprandi Legatio. Bonnae, 1828, p. 350.

[51] То, что договор был заключен на этих условиях, говорится у Яхьи. В. Р. Розен. Указ. соч., с. 23.

[52] Русский перевод текста новеллы у М. В. Левченко. Указ. соч., с. 355.

[53] Так, на основании сообщений греческих авторов и Яхьи, считают *В. Г. Васильевский.* Труды. Т. 1. СПб., 1908, с. 122 и *В. Р. Розен.* Указ. соч., с. 198.

[54] *В. Р. Розен.* Указ соч., с. 24.

[55] Там же. Указ. соч., с. 24—25, 201.

[56] *Leo Diac.* Op. cit., p. 168, 175.

[57] Впервые такое сопоставление сделали *В. Г. Васильевский* (Труды. Т. 2, вып. 1, с. 100) и *В. Р. Розен* (Указ соч., с. 215).

[58] *М. В. Левченко.* Указ. соч., с. 359.

[59] *В. Г. Васильевский.* Труды. Т. 2, вып. 1, с. 100—101.

В. Р. Розен. Указ. соч., с. 212 и сл.

С. П. Шестаков. Указ. соч., с. 83.

М. В. Левченко. Указ. соч., с. 360.

[60] *Е. Е. Голубинский.* История Русской Церкви. Т. 1, 1 полутом, с. 130—131, прим. 1.

[61] Об этих попытках Самуила сообщает *Асохик.* Указ. соч., с. 175.

[62] *А. А. Шахматов.* Разыскания... с. 23.
М. В. Левченко. Указ. соч., с. 359.

[63] Насколько нам известно, первым, кто указал на то, что поход и осада Корсуни начались еще в 988 году, был *М. Н. Тихомиров* (Древняя Русь, с. 269). См. также: *Д. Л. Талис.* Русско-византийские отношения в IX—X вв.— Византийский временник, т. XIV, 1958, с. 103—115.

[64] Ход осады достаточно подробно изучен в современной историографии. *А. Л. Бертье-Делагард.* Как Владимир осаждал Корсунь.— Известия отделения русского языка и словесности АН, т. XIV, кн. 1, СПб., 1909. *Б. Д. Греков.* «ПВЛ» о походе... с. 413—428. *Н. В. Пятышева.* Указ. соч., с. 104—114.

[65] *Н. И. Серебрянский.* Указ. соч., тексты, с. 18, 23. Заметим здесь, что в летописи говорится о том, что Владимир взял Корсунь с помощью священника Анастаса, а в житиях — варяга Ждеберна. По вполне вероятному предположению *Б. Д. Грекова,* между этими показаниями нет противоречия: и Анастас, и Ждеберн могли действовать единовременно и сообща.— «ПВЛ» о походе... с. 427.

[66] Исследователей часто приводили в смущение разночтения в ПВЛ и житиях по вопросу о том, в какой же церкви якобы мог креститься Владимир и где крестилась его дружина. Благодаря тщательному изучению всех источников *С. П. Шестаковым* мы теперь можем с большой достоверностью считать, что святой князь не крестился, а венчался с Анной в церкви Святых Апостолов, а его дружина крестилась во Влахернском храме Святой Богородицы.— Указ. соч., с. 133—134.

[67] Именно так в современной историографии и решается вопрос о причинах крещения святого Владимира. *Б. А. Рыбаков.* Указ. соч., с. 397. *М. В. Левченко.* Указ. соч., с. 366. *Б. Д. Греков.* Киевская Русь, с. 476—478 и многие другие.

[68] Так, *А. А. Шахматов* считает, что Владимир крестился в Киеве.— Разыскания... с. 24. Е. Е. Голубинский предполагает, что в Василеве.— История Русской Церкви. Т. 1, 1 полутом, с. 133.

[69] Это отметил еще опубликовавший «Память и похвалу» *митрополит Макарий.* Три памятника... с. 307.